

УДК 343
ББК 67.408

ПРАВОСИСТЕМНОСТЬ, СИСТЕМНОСТЬ ПРАВА, СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ПРАВЕ И КАТЕГОРИИ ОБЩЕГО, ОСОБЕННОГО И ЕДИНИЧНОГО*

Е. А. Куликов

Алтайский государственный университет, (Барнаул, Россия)

Статья опирается на взаимосвязь системного метода познания правовых явлений, специфики правовой «дополненной» реальности и категорий общего, особенного и единичного. Системность в праве проявляется в процессе восхождения от абстрактного к конкретному — от предельно общих правовых явлений и понятий к единичным правовым явлениям и понятиям. На этом же основана и диалектика общего, особенного и единичного. Общая правосистемность получает спецификацию в системности позитивного права, которая, в свою очередь, отражается в элементах позитивного права. Общие понятия элементов системы права, например, отрасли права, с одной стороны, универсальны для понятий особенных явлений в рамках отраслевых наук, с другой — в силу закономерностей категорий общего, особенного и единичного подчиняют себе смыслы этих понятий. Отраслевые понятия должны содержательно укладываться в общетеоретические, принципиально не могут с ними расходиться, иначе не будут соотноситься как общее и особенное. Игнорирование диалектики общего, особенного и единичного, как имманентно присущей замкнутым системам логике существования и развития, может привести к искаженному отражению реальности и дефектам правового регулирования.

Ключевые слова: правовая система, система права, отрасль права, категории диалектики, абстрактное и конкретное, единичное и общее.

LEGAL SYSTEM, SYSTEMATIC LAW, SYSTEMIC APPROACH IN LAW AND THE CATEGORIES OF GENERAL, PARTICULAR AND INDIVIDUAL

E. A. Kulikov

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is based on the interconnection of the systemic method of cognition of legal phenomena, the specifics of the legal “augmented” reality and the categories of the general, special and singular. Consistency in law manifests itself in the process of ascent from the abstract to the concrete — from extremely general legal phenomena and concepts to individual legal phenomena and concepts. The dialectic of the general, the particular and the individual is also based on this. The general rule of law receives a specification in the systemic nature of positive law, which, in turn, is reflected in the elements of positive law. General concepts of the elements of the system of law, for example, branches of law, on the one hand, are universal for the concepts of special phenomena within the framework of branch sciences, on the other hand, due to the laws of the categories of general, particular and individual, they subordinate the meanings of these concepts. Sectoral concepts should be meaningfully fit into general theoretical ones, in principle they cannot disagree with them, otherwise they will not be related as general and special. Ignoring the dialectics of the general, the particular and the individual, as the logic of existence and development inherent in closed systems, can lead to a distorted reflection of reality and defects in legal regulation.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, научный проект № 20-011-00121 «Теория общего, особенного и единичного в уголовном праве России: методологические, технико-юридические и прикладные аспекты».

Keywords: legal system, system of law, branch of law, categories of dialectics, abstract and concrete, individual and general.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)4.4](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)4.4)

Системный подход в методологии юридической науки. Системный подход в отечественной правовой науке активно стал использоваться в 50–60-е гг., на сегодняшний день его можно считать вполне органично интегрированным в ее методологию. И. Н. Васев отмечает, что системное представление о праве предполагает его внутреннее упорядочение, выражающееся в группировке норм права по отраслям и институтам, что вместе с последующей организацией системы законодательства максимально упрощает ориентацию внутри здания права. Системность права порождает уверенность в его логичности и беспробельности. Пробел в праве превращается в исключительное явление и при его обнаружении, тем не менее всегда может быть нейтрализован с помощью аналогии, системность права воспитывает и системный стиль мышления юриста [1, с. 123]. Таким образом, признание права системным явлением распространяет на него все необходимые свойства и качества системы как таковой. «У качества системности права есть и вторая сторона. Системность предполагает не только внутреннюю дифференциацию права на отрасли и институты. Система означает также и внешнее единство права... Система позволяет установить вторичные связи между ее элементами» [1, с. 125–126].

Некоторые весьма интересные замечания к системному подходу высказывает В. П. Малахов. «Право есть система в своей полноте. В частях, элементах, связях права нет. Здесь необходима диалектика перехода к постижению феномена права (права как феномена). Системный подход предполагает, что то или иное изменение в отдельных элементах или структурных связях должно сказываться и на системе в целом. Не всегда эти изменения удастся обнаружить, но знание системных свойств предмета позволяет предсказывать их. Если мы не имеем дело с системой, тогда изменения могут носить локальный характер. Применительно к обществу, к социальным образованиям — праву, морали и т. д. — системность есть методологическое допущение, а не констатация реальности. Но это допущение положено в основу планирования, управления. Из него вытекает масса следствий самого разного характера. Система есть характеристика целого и характеристика полноты целого. Система по определению самодостаточна, самоопределена, самодетерминирована. Все это закодировано в системообразующем факторе. Система действует одним и тем же способом (живет, существует) везде, поэтому системный подход является универсальным. Системе придает действительность ее внутренняя противоречивость, которая выражается в диалектике категорий, представляющих содержание системы. Системные отношения не являются непосредственно функциональными, эмпирически наблюдаемыми (фиксируемыми). Они — связи конкретных элементов с целым, которое во все не конкретно в этом же смысле. Система — это некоторое допущение, объясняющее все через единое. Система — характеристика организма, механизма и пр., а не эмпирически наблюдаемое явление, как, например, ее элементы. Большие, сложные системы недоступны полному охвату познанием. Ни практически мы не можем учесть все изменения и условия, ни теоретически (их мы можем только предположить). Системность есть установка, а не реальность общества. Поэтому, в частности, системный метод может быть отнесен к философским методам, потому что последние задают именно условия познания» [2, с. 50–51]. Такое видение системного подхода позволяет выдвинуть, по меньшей мере, три положения: во-первых, системность есть характеристика целого, явления как такового; во-вторых, системность — определенное свойство феномена, определенная его характеристика, сочетающая в себе различные показатели; в-третьих, системное видение права и правовых феноменов — это уровень философского познания права, и в этой части системно-структурный подход соприкасается с диалектикой права и диалектикой уголовного права, в том числе диалектикой общего, особенного и единичного.

Методологическую характеристику системно-структурного подхода с диалектико-материалистических позиций дает В. М. Сырых: «Системно-структурный анализ призван: 1) выявить правовые явления, представляющие собой органические системы; 2) раскрыть конкретные связи и зависимости, характеризующие органические связи явления в целом с составляющими его элементами, а также

связи элементов между собой; 3) исследовать связи и зависимости, присущие явлению как компоненту более сложного системного образования; 4) описать связи правовых явлений с экономическими, политическими и иными социальными явлениями. Для системно-структурного анализа особое значение имеют выявление форм и интенсивности воздействия конкретно-исторических условий на структурное состояние исследуемого явления и его ответная реакция на внешние факторы» [3, с. 398–399]. Ученый, таким образом, раскрывает системный подход через указание на исследование связей между элементами и, в отличие от В. П. Малахова, не углубляется в философскую сущность этого подхода. Системный подход как метод познания позволяет увидеть правовое явление с двух сторон — с внешней как целое, и с внутренней — как структуру, способ связи между элементами и элементный состав явления.

Исходя из акцентирования системного подхода на связи между правовыми явлениями, В. М. Сырых рассматривает этот подход далее по типам структурных связей в праве. «Системный подход применяется дифференцировано с учетом особенностей структурного строения органически целостных правовых явлений. В правовой науке имеется три типа структурных связей: синтетические, иерархические (вертикальные) и внешние (функциональные). Синтетический тип структурной связи присущ элементам правонарушения, правоотношения, нормы права. Этот тип связи характеризуется тем, что органически целостное явление состоит, во-первых, из строго определенного числа элементов, во-вторых, каждый элемент системы обладает специфическими, не присущими другим элементам признаками и, в-третьих, совокупность специфических признаков, присущих элементам, образует состав, содержание системы... Иерархический (вертикальный) тип структурной связи присущ системе нормативных правовых актов и характеризуется тем, что все ее элементы: 1) имеют общий признак; 2) строго ранжированы относительно друг друга; 3) в своей совокупности образуют качественно новое правовое явление... Следует учитывать, что далеко не всякая связь между компонентами правовой системы является структурной, влекущей образование качественно новых правовых явлений. Между правовыми явлениями существует немало иных видов связи. Таковой предстает связь содержания и формы, сущности и явления, причины и следствия, а также функциональная связь между действующими нормами права и правосознанием индивида, общими, специальными и исключительными нормами, нормами права и действующей в обществе правовой культурой, другими правовыми и социальными явлениями. Устойчивые связи правовых явлений, не влекущие образование, создание качественно нового правового явления, называются внешними (функциональными)» [3, с. 400–402]. Исходя из предложенной В. М. Сырых типологии связи, основанные на диалектике общего, особенного и единичного при первом приближении могут проявляться в третьем их типе — в функциональных связях. Что касается остальных двух типов, то искомые категории касаются скорее самих явлений, находящихся во взаимосвязи.

Нелишним будет в интересах настоящего исследования привести обобщенную характеристику свойств системности в праве, предлагаемую И. А. Кузьминым. Он выделяет следующие ее свойства: 1) это многоликая правовая категория, которая рассматривается в качестве характеристики/свойства права, метода/средства научного познания права, принципа права, или в иных воплощениях, например, в контексте среза общесоциальной системности; 2) системность в праве является производным явлением от категории «система» и опирается на нее как на философскую категорию, при том, что системность в философии рассматривается как присущее любой материи универсальное свойство, которое фиксирует преобладание организованной природы над природой хаоса; 3) это логическая связь между действующими, создаваемыми и ранее действующими нормами права, в которой одни нормы права определяют условия и факторы осуществления других, а третьи содержат принудительные меры за их нарушение; 4) системность в праве обладает синергетическим потенциалом, характеризует самоорганизацию права и элементов, из которых оно складывается, обеспечивает стабильность функциональных соединений между элементами права и его подсистемами; 5) основаниями системности в праве являются объективно сложившаяся система общественных отношений (объективное основание) и государственно-правовая, политическая воля (субъективное основание) [4, с. 9].

Исходя из такого подхода системность может быть рассмотрена как сложная характеристика правовых феноменов, выступающая на уровне философских категорий, в категориальной паре «система — элемент». В предыдущем параграфе мы вели речь о системности в праве на, так сказать, глобальном уровне, в рамках конструкции «правовая система». Это наивысший уровень понятийно-

терминологической абстракции в правовой сфере, опирающийся на категорию системности, отражающий целостный характер правовых явлений и их функциональное назначение. Если согласиться с подходом В. П. Малахова, то о системности в праве мы можем говорить только на этом, наивысшем уровне. Однако, более точен в этом смысле В. М. Сырых, который признает свойство системности за различными правовыми явлениями различных уровней правовой абстракции [3, с. 406].

«Правосистемность». Диалектика общего, особенного и единичного при ее применении к конкретному предметному полю предполагает использование либо движения (восхождения) от конкретного к абстрактному, либо от абстрактного к конкретному. В целях уточнения проявлений общего, особенного и единичного необходимо применить второй путь, и вести движение от наиболее общих проявлений системности к конкретным их проявлениям в отраслях права. Системность права на сегодняшний день довольно обстоятельно исследована в юридической литературе как теоретико-правового, так и отраслевого цикла. «Системность права — категория универсальная, пронизывающая все сферы правового бытия. Системность права можно понимать и как свойство права, как принцип правового регулирования, как признак системы права и правовой системы, как принцип деятельности, отраженный в праве (например, правотворчества) ... системность права понимается как свойство права создавать системы правового порядка» [5, с. 30].

«Системность, — пишет В. Н. Протасов, — одно из важнейших качеств права, и оно присуще ему объективно. Объективность этого свойства означает, что система права не может быть сконструирована произвольно, она обусловлена закономерностями общественной жизни, регулируемой социальной сферы. Системность права предполагает его следующие характеристики: 1) единство, целостность; 2) внутреннюю расчлененность, дифференцированность, т. е. наличие элементов; наличие структуры — целесообразного способа связи элементов; 3) наличие цели (как системообразующего фактора). Любую систему образуют две стороны: состав (набор необходимых элементов) и структура (целесообразный способ связи этих элементов)» [6, с. 273]. Таким образом, системность права, правовых явлений и процессов показывает способ их существования и функционирования, определяемый множеством объектов и способом их организации. В качестве одного из элементов этого способа может выступать взаимодействие объектов как общего, особенного и единичного.

В качестве основных характеристик системности права М. В. Воронин называет следующие показатели: а) системность права — срез общесоциальной системности, позволяющий создавать системы в пределах правового бытия; б) системность права имеет вторичную природу по отношению к общесоциальной системности; в) степень системной организации права предопределяется степенью общесоциальной системности; г) системность права является свойством, задающим дифференциацию и интеграцию в праве; д) системность права предопределяет интеграцию и дифференциацию элементов правовой системы общества, влияет на правосистемность [5, с. 177]. В приведенных выкладках ученого видится несколько важных моментов: во-первых, системность как свойство права выступает особенным по отношению к системности как свойству социума; во-вторых, системность права определяет закономерности его существования и функционирования, в том числе, как думается, и с позиций взаимосвязи и взаимодействия общего, особенного и единичного; в-третьих, системность права находится в определенном соотношении с правосистемностью, что требует отдельного рассмотрения. Нужно также отметить, что под системным правовым образованием М. В. Воронин предлагает понимать относительно самостоятельное системное объединение норм права в пределах системы права: отрасль права, подотрасль, институт, субинститут [5, с. 25].

Поскольку возник вопрос о соотношении системности права и правосистемности как свойства всех правовых явлений и процессов, и в частности, о том, нельзя ли их сопоставить как общее и, например, особенное, или единичное, или отдельное, рассмотрим вкратце вопрос о правосистемности и о соотношении системы права и правовой системы, вопрос, конечно, давно получивший разрешение в общей теории права но, на наш взгляд, требующий внимания в свете диалектики общего, особенного и единичного в праве. «Современная правовая система России — сложный комплекс элементов, структур, норм, правосознания, традиций, образов национально-исторической, технико-юридической, социально-психологической природы. В широком значении — это целый правовой мир, имеющий свою жизненную организацию, источники, архетипы, историю и будущее» [7, с. 9]. В подобной трактовке заключена, на наш взгляд, квинтэссенция подхода В. Н. Синюкова к правовой системе общества, с акцентом на ее культурно-историческое своеобразие, цивилизационную авто-

хтонность и в целом на специфику правового стиля отечественной правовой системы. В дальнейшем в своей монографии он развивает этот подход. «Категория «правовая система» позволяет представить в единстве всю правовую сторону общественной жизни, рассмотреть в системных связях организацию и взаимодействие всего комплекса правовых явлений» [8, с. 126], — отмечает, начиная исследование правовой системы стабильного периода и правовой системы переходного периода, В. В. Сорокин. Следующая мысль ученого, в принципе созвучна ранее приведенному высказыванию В. Н. Синюкова и показывает в той же мере содержательное богатство объектов, мыслимых в понятии правовой системы. «В правовой системе воедино слились правовые представления общества, его культура и психология с арсеналом технико-юридических средств, с деятельностью его объединений. Именно этим объясняются возможность соединения в правовой системе разнообразных правовых явлений, многоаспектность данной категории, а также трудность познания и классификации компонентов системы. Можно сказать, что сложность структуры правовой системы есть отражение сложности обуславливающих ее общественных отношений» [8, с. 129]. Однако саму правовую систему В. В. Сорокин определяет достаточно инструментально, указывая, что «правовая система есть целостный комплекс правовых явлений и процессов (позитивное право, правообразование, реализация права, правосознание), складывающийся в результате их взаимосвязи и взаимодействия и характеризующий юридическое воздействие на общественную жизнь» [8, с. 150].

Нужно отметить, что конструкции «система права» и «системность права» используются по отношению к позитивному праву, и характеризуют позитивное право [5, с. 11], т. е. один из компонентов правовой системы. И если позитивное право и правовая система соотносятся как целое и часть, то вопрос о таком же соотношении системности права и правосистемности, правовой системы неочевиден. При этом не следует смешивать данный вопрос с вопросом о соотношении правовой системы и системы права. В последнем случае помимо простой игры слов между разнопорядковыми феноменами есть еще необходимое допущение в понимании системы права, которая традиционно понимается как явление правовой действительности, определяющее структуру позитивного права. Другой стороны этого вопроса, или другого допущения, мы пока что касаться не будем, а предположим соотношение правосистемности и системности права. Их действительно можно соотнести как общее и особенное, поскольку системностью обладают, наряду с правом, правосознание, правообразование и реализация права. И все эти системности обладают общими качествами правосистемности и спецификой, характерной для своего компонента. Поэтому правосистемность как свойство всего комплекса правовых явлений и процессов, характеризующих юридическое воздействие на социум — это общее, а системность как свойство позитивного права — особенное. Поэтому системность права будет в основных своих чертах обладать общесистемными характеристиками правовых явлений, а также специфическими чертами, порождаемыми своеобразием позитивного права (правовых текстов) по отношению к другим феноменам.

Системность права. Продолжая логику рассмотрения системности в праве с позиций категорий общего, особенного и единичного, обратимся от феномена правосистемности, которое через конструкцию правовой системы связывает все правовые явления и процессы, реализующие регулятивное назначение права в социуме, к феномену системности права, который выступает уже характеристикой самого позитивного права как социального регулятора. Интересно показывает соотношение системы и структуры права С. С. Алексеев. «Система права — это его строение, способ (закон) связи между его отраслями и институтами. Иными словами, вопросы системы права охватывают строение права на уровне «макроструктуры». Характеристика же «микроструктуры» относится к проблемам специально-юридического («догматического») порядка, т. е. к вопросам юридических норм, их видов и внутренних элементов нормы». В примечании же к этой цитате он указывает, что хотя с точки зрения теории систем термином «система» обозначается явление в целом, охватывающее все его структурные подразделения, но в правовой науке традиционно термин «система» используется для характеристики связи между отраслями и институтами права, термином же «структура» обозначается строение права как сложного явления в целом, на всех уровнях [9, с. 130].

Таким образом, удвоение понятий «система права» и «структура права» есть всего лишь дань определенной научно-догматичной традиции, эти термины есть не что иное как синонимы. Следовательно, мы можем говорить о системных характеристиках права на всех уровнях его явлений: правосистемность, системность права, системные свойства правовых феноменов. При этом они не со-

относятся с позиций общего, особенного и единичного, а могут быть соотнесены как системность правовых явлений в целом и в его частях. Однако есть определенный аспект, связанный с системностью права, который выводит нас на искомые категории, но касается он понятийно-терминологических характеристик самой системности. Если двигаться уже обозначенным путем восхождения от абстрактного к конкретному [3, с. 406–415], то можно выделить общее понятие системы, универсальное для всех случаев проявления стоящего за ним реального феномена; особенным по отношению к нему будет понятие социальной системы, со всеми общесистемными характеристиками, и при этом с указанием на дополнительные свойства, отличающие социальные системы от несоциальных систем; наконец, особенным по отношению к социальной системе будет выступать правовая система как социальная система, но обладающая, наряду с общесоциальными, еще и специально юридическими чертами, отличающими ее от неправовых систем. Здесь надо сказать, что правовая система не имеет особенного, на наш взгляд, и завершает обозначенное ответвление понятийно-терминологического ряда.

Общее понятие системы в изучаемой сфере имеет и другое направление восхождения от абстрактного к конкретному. По этому направлению роль особенного по отношению к общему понятию системы будет уже играть социо-нормативная система — система социальных норм (в принципе, если иметь в виду технические нормы, то возможен и промежуточный уровень в виде явления и понятия системы норм), которая будет обладать как общесистемными характеристиками, так и специфическими чертами, отличающими ее от других систем. Особенным по отношению к системе социальных норм, в свою очередь, будет выступать система права как система правовых предписаний (норм и им подобных положений нормативного характера). Необходимость в подобном рода манипуляциях с терминами вызвана не просто академическим, научным интересом. У системы права как системы правовых норм (в отличие, например, от системы обычаев или системы норм морали) есть одна специфическая черта: в современных условиях она представляет собой не естественную, а искусственную реальность, конструируется, формируется человеком (в лице субъекта правотворчества). В те времена, когда право развивалось *post factum*, оно мало чем отличалось от остальных соционормативных систем, но на сегодняшний день, когда общей чертой западных (вестернизированных) правовых систем, особенно российской, стала работа на опережение, право утрачивает свой органический, естественный характер, и становится подлинно надстроечным явлением. А при конструировании такого рода искусственной системы (как и любого другого рукотворного механизма) очень важно учесть его системные свойства и применить их все, в противном случае полученный результат, особенное, которое не соответствует общему — системе, будет выступать уже не системой, а чем-то другим, не будет действовать как система и вообще вряд ли будет функционировать в нужном для субъекта правотворчества направлении.

Система права как система правовых норм (далее мы также будем пользоваться понятием «система позитивного права»), как и правовая система, выступает конечной точкой восхождения от абстрактного к конкретному. Элементы системы права, конечно, тоже представляют собой системы, но уже не являющиеся особенным по отношению к понятию системы права. Небезынтересно будет рассмотреть предлагаемый А. М. Васильевым понятийный ряд категории «система права». «В логическом плане абстракция “система права” развертывается в структурном понятийном ряду, который объединяет категории “предмет правового регулирования”, “метод правового регулирования”, “институт права”, “комплексный институт права”, “отрасль права”, “подотрасль права”, “комплексная отрасль права”» [10, с. 166.]. Здесь ученый ведет речь преимущественно о понятиях, которые как бы окружают конструкцию системы права и либо выступают критериями обособления внутренних составляющих этой системы, либо обозначают сами компоненты системы права. Далее А. М. Васильев комментирует приводимый им понятийный ряд: «Понятиями данного структурного ряда выражаются основания внутренних подразделений совокупности правовых норм, фиксируются эти подразделения, устанавливаются имманентные связи между ними, отмечаются черты сходства, различия, группировка близких друг к другу правовых норм» [10, с. 166]. Так или иначе, но эти понятия определяют содержание системы права, конкретизируют ее, а сами выступают общими понятиями своих собственных понятийных рядов, проникающих в правовые отрасли. И если с понятием системы права они не соотносятся в диалектике общего, особенного и единичного, то в таковой они реализуются в связи со своими отраслевыми проявлениями.

В какой-то мере на эти понятийные ряды указывает и сам А. М. Васильев. «Если идти дальше по этому пути конкретизации к следующим структурным понятийным рядам, т. е. к существенному в праве следующего порядка, то они зафиксировывают переход к установлению и анализу содержания институтов и отраслей в системе права. Выявляется состав отраслей права, нормативное содержание объединяемых ими правовых институтов. Понятийные структурные ряды на этой ступени конкретизации объединяют юридические понятия, отражающие представления об отдельных отраслях права и их необходимых структурных подразделениях. Эти понятия, конкретизирующие категории предмета и метода правового регулирования, отрасли и института права, с одной стороны, дают возможность развернуто выразить все группировки и связи совокупности юридических норм, их внутреннюю организацию, а с другой стороны, являются как бы переходным мостиком от категорий теории права к понятиям отраслевых юридических наук и наоборот» [10, с. 167].

Приведенные рассуждения А. М. Васильева относительно следующих уровней понятийно-категориальных рядов, вытекающих из категории системы права, могут выступить одним из аргументов в пользу нашей гипотезы о том, что, хотя система права со своими элементами и характеристиками и не соотносится в диалектике общего, особенного и единичного, однако в таком ключе можно провести соотношение внутри элементов на общесистемном и отраслевом, например, уровнях. Поскольку далее в монографии рассматриваются преимущественно отраслевые вопросы, представляется необходимым последующий анализ взаимосвязи системности права и категорий общего, особенного и единичного ограничить понятийным рядом отрасли права.

Отрасль права: общее и особенное. Существует общеправовое понятие отрасли права на уровне теории права. При этом необходимо учитывать основное положение диалектики общего, особенного и единичного: особенное — частный случай общего, т. е. оно включает в себя все свойства общего, и имеет некоторые специфические черты, которые, однако, не выводят его за пределы общего, иначе это особенное уже для другого общего. С другой стороны, к этому соотношению можно было бы подойти как к соотношению рода и вида, множества и подмножества, как это делает, например, В. Е. Жеребкин [11, с. 7–25]. В формальной логике подчеркивается связь между общим и единичным — с одной стороны, и родом и видом — с другой, при определении понятий: «Наиболее распространенными явными определениями являются определения выражений типа единичных и общих имен, называемые определениями через род и видовое отличие, которые, в свою очередь, делятся на: а) атрибутивно-реляционные; б) генетические; в) операциональные» [12, с. 209]. Применительно к предмету настоящего исследования сказанное означает, что определение каждой отрасли права должно включать в себя общие свойства отрасли права (род, общее) и свои специфические признаки (видовое отличие, особенное), которые при этом не должны выходить за пределы общетеоретического понятия отрасли права. Безусловно, в целом это правило в юридической науке соблюдается, однако некоторые, увлеченные своей самостийностью, отрасли, слишком далеко заходят в определении своей специфики (доходят, например, до утверждений о том, что в уголовно-правовых нормах нет правила поведения — но ведь тогда это и не нормы права, да и вообще не нормы, чем же будут являться слова и фразы, называемые уголовно-правовыми нормами, вот вопрос). Поскольку же речь идет о конструируемой реальности, о создаваемых людьми правовых конструкциях, то необходимо учитывать закономерности, по которым живет действительность, иное приведет к дисфункции самих конструкций, метафорично говоря, к ситуации, когда мы пытаемся выкрутить шуруп гаечным ключом, или закрутить гайку крестовидной отверткой. Теоретически это возможно, но несоразмерно затратно.

Рассмотрим несколько вариантов определений отрасли права, предлагаемых в теории права. С. С. Алексеев предлагает следующее определение понятию отрасли права: «Отрасль права — это самостоятельное, юридически своеобразное подразделение права, состоящее из компактной системы взаимосвязанных, распределенных по институтам норм, регулирующих специфический вид общественных отношений» [9, с. 131]. С. В. Поленина отмечает, что «совокупность норм, объединенных в правовые институты, регулирующих определенную сферу рядовых общественных отношений, образует отрасль права» [13, с. 483]. По мнению Р. В. Шагиевой, «отрасль права — это объективно обособившаяся внутри системы права совокупность взаимосвязанных между собой норм, объединенных общностью предмета и метода отраслевого правового регулирования» [14, с. 357]. В. Н. Протасов и Н. В. Протасова определяют отрасль права как «целостную совокупность правовых норм, регули-

рующих свой участок социальной сферы присущим ей методом и выступающую основным элементом системы права» [15, с. 275]. Наконец, И. Н. Сенякин утверждает, что «отрасль права — это обособившаяся внутри данной системы совокупность однородных правовых норм, регулирующих определенную сферу родовых общественных отношений» [16, с. 333]. Несмотря на видимое многообразие определений, в них можно выделить общие характеристики отрасли права как элемента системы права.

Во-первых, общим в этих определениях является рассмотрение системы права как самостоятельного, структурно обособленного элемента системы права; во-вторых, подчеркивается внутреннее деление отрасли на институты права; в-третьих, указывается на особый предмет отраслевого правового регулирования (группу однородных общественных отношений) и на особый отраслевой метод правового регулирования, т. е. на два основных критерия обособления отраслей права. Названные три пункта можно рассматривать как содержание общего понятия отрасли права.

Перейдем к анализу того, какое понимание собственного отраслевого статуса предлагают отраслевые юридические науки. В этом случае может речь идти об особенном понятии отрасли права, которое должно отражать в себе общее. Рассмотрим, как в науке уголовного права России определяется уголовное право как отрасль права. Ю. Е. Пудовочкин дает широкое понимание уголовного права, исходя из структуры правовой системы общества: современное понимание уголовного права должно предполагать единство трех его компонентов: аксиологического, институционального и функционального, и включать в себя уголовно-правовые идеи, уголовно-правовые нормы и уголовно-правовые отношения. В соответствии с этим в самом общем виде *уголовное право* может быть определено как основанная на идеях законности, равенства, вины, справедливости и гуманизма система правовых норм, определяющих преступность и наказуемость общественно опасных деяний, и возникающих на их основе уголовно-правовых отношений [16, с. 50]. Оригинальное определение уголовного права предлагает в докторской диссертации, посвященной пробелам в уголовном праве и способам их преодоления М. А. Кауфман. «Уголовное право — основанная на общеправовых и общепризнанных принципах и нормах международного права охранительная отрасль отечественной системы права, включающая систему нормативных установлений, легитимирующий круг деяний, признаваемых преступлениями и применение в строго определенном объеме государственного насилия (наказания и иных мер принудительного характера) к лицам, их совершившим» [17, с. 12]. С научно-теоретической точки зрения это наиболее удачное определение, хотя оно представляется несколько сложным для понимания и запоминания в учебных целях, но при этом четко показывает природу и сущность уголовного права как отрасли российского права.

Интересное с содержательной точки зрения и с позиций научной продуманности определение уголовного права дается И. Я. Козаченко. По его мнению, «уголовное право есть самостоятельная отрасль единой правовой системы, представляющая собой устанавливаемую высшим органом государственной власти совокупность однородных норм, базирующихся на закономерностях социального развития человека, общества и государства, содержащих описание признаков, позволяющих правоприменителю признавать соответствующее деяние преступлением и определяющих основание и пределы уголовной ответственности и наказания за его совершение, а равно условия освобождения от уголовной ответственности и наказания» [18, с. 30]. Интерес в этом определении представляет указание на необходимость учета закономерностей объективной действительности при формулировании уголовно-правовых предписаний, т. е. на предмет уголовно-правового регулирования, который не менее важен, чем его метод, через который определяют уголовное право большинство ученых.

Собственное определение уголовному праву дает А. И. Коробеев: Уголовное право, будучи отраслью российского права, есть система норм, установленных высшим законодательным органом государства и определяющих принципы и основания уголовной ответственности, преступность и наказуемость общественно опасных деяний, общие начала и правила назначения наказания, порядок и виды освобождения от уголовной ответственности и (или) от наказания, а также основания и пределы применения мер уголовно-правового характера, не являющихся наказаниями [19, с. 15–16]. Это одно из наиболее подробных определений уголовного права, включающее все разделы современного УК РФ, при этом оно корреспондирует ч. 2 ст. 2 УК РФ. Законодатель, таким образом, раскрывая юридический инструментарий УК РФ, дает по сути легальную трактовку понятия отрасли уголовного права, которую можно использовать в качестве ее рабочего определения. Интересно, что такая легальная трактовка уголовного права дается не через предмет, а через метод уголовно-правового ре-

гулирования, что как бы наталкивает на мысль о том, что предметом уголовного права является все то, что способно быть урегулировано этими специфическими методами.

Резюмируем приведенные трактовки уголовного права как отрасли права. На наш взгляд, определение будет считаться полноценным, т. е. соответствующим общему понятию отрасли права только в том случае, если указание на метод уголовно-правового регулирования будет дополнено указанием и на предмет уголовно-правового регулирования. Учитывая дискуссионность предмета уголовного права как отрасли права и преимущественно не вполне корректное его определение через уголовно-правовые отношения, а не через общественные отношения, как это принято в теории права, такое указание может быть косвенным, например, через задачи уголовного права, которые в той формулировке, которая содержится в ч. 1 ст. 2 УК РФ, по сути, как раз и характеризуют предмет уголовно-правового регулирования. В этом случае основанное на ст. 2 УК РФ определение уголовного права могло бы выглядеть следующим образом: уголовное право — это отрасль российского права, которая в целях реализации стоящих перед ней задач устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений.

Затронем в определенной мере понимание системности применительно к уголовному праву, поскольку в недавнее время появился ряд фундаментальных работ, посвященных проблеме системности уголовного права, дающих почву для теоретического анализа обозначенной проблемы. «Системность как метод познания российского уголовного права предполагает установление требований к множеству взаимосвязанных уголовно-правовых явлений на основе анализа их причинно-следственных и/или функционально-следственных взаимодействий, прямых и обратных связей и перспектив развития» [20, с. 19]. Как можно увидеть, А. В. Денисова выделяет такой смысл термина «системность», как метод познания уголовного права. Речь, по-видимому, идет об отраслевом научно-юридическом преломлении общенаучного системного подхода. Не менее интересно и предлагаемое автором видение системы уголовного права: «Система российского уголовного права на текущем этапе его развития представляет собой интеграцию единых по своей правовой природе нормативных и ненормативных элементов в структурно упорядоченное целостное единство (отрасль), характеризующееся относительной самостоятельностью, устойчивостью, самоорганизацией и автономностью своего функционирования при постоянном взаимодействии с другими правовыми и социальными явлениями, внешней средой» [20, с. 85].

Сходным образом определяет понятие своей отрасли права наука уголовного процесса. Так, А. С. Шаталов пишет, что «уголовный процесс предстает как регламентированная законом деятельность суда, прокурора, следователя, органа дознания, дознавателя и других участников уголовного судопроизводства, включающая в себя проверку сообщений о преступлениях, предварительное расследование, судебное рассмотрение и разрешение уголовных дел, исполнение и пересмотр решений суда, которая предназначена для защиты прав и законных интересов подвергаемых уголовному преследованию лиц, с тем чтобы исключить незаконное ограничение их прав и свобод, что призвано обеспечить надлежащее применение норм уголовного закона» [21, с. 12–13]. Стоит отметить, что строго говоря это не определение отрасли права, а описание ее предмета, т. е. того, что именно регулирует уголовно-процессуальное право, трактовку самой отрасли А. С. Шаталов не предлагает. Это делает И. Л. Петрухин, сначала сходным образом определяя уголовный процесс, а затем указывая, что «под уголовно-процессуальным правом следует понимать самостоятельную отрасль права, регламентирующую уголовно-процессуальную деятельность» [22, с. 19]. Он как бы говорит, что уголовно-процессуальное право — это отрасль права, регулирующая уголовный процесс. «Предметом правового регулирования в области уголовного процесса являются правоотношения, складывающиеся при производстве по уголовным делам под воздействием норм уголовно-процессуального права» [23, с. 45], — эта мысль А. В. Смирнова, если абстрагироваться от его трактовки предмета отраслевого регулирования, может рассматриваться как резюмирующая понимание отрасли права наукой уголовного процесса России (далее он подробно рассматривает метод уголовно-процессуального правового регулирования). Таким образом, наука уголовно-процессуального права предпочитает определять свою отрасль, в отличие от науки уголовного права, не через метод, а через предмет отраслевого правового регулирования. Стоит, однако, заметить, что понимание предмета страдает тем же

дефектом, поскольку таковым называют не общественные отношения, а правоотношения, которые есть не предмет, а результат или инструмент правового регулирования. Однако этот вопрос мы не рассматриваем в настоящем исследовании.

Заключение. Системный подход в юридической науке активно обращается с восхождением от абстрактного к конкретному, которое опирается на категории общего, особенного и единичного. При первом приближении к проблеме системность правовых феноменов (общее) конкретизируется на уровне системности позитивного права (особенное), которая, в свою очередь, выступает общим по отношению к системности отрасли права, где последняя будет являться особенным. Это можно назвать вертикальным проявлением диалектики общего и особенного в праве. Системность права, правовых предписаний, проявленная через закономерности взаимосвязи общего, особенного и единичного, обуславливает особенности соотношения отдельных правовых норм между собой, толкования и применения этих норм в обычных ситуациях, в ситуации конкуренции и коллизий между ними.

Закономерности диалектики общего, особенного и единичного, среди которых, например, можно назвать нахождение особенного в рамках общего, выступающего его частным случаем, далеко не всегда соблюдаются отраслевыми юридическими науками. На примере соотношения общетеоретического понятия отрасли права с отраслевыми понятиями конкретных отраслей права мы наблюдаем некоторые отклонения от общего понятия. Они не настолько заметны в рамках определений, но обращают на себя внимание в трактовке предмета правового регулирования. Вряд ли это повышает уровень научной обоснованности отраслевых дефиниций, особенно учитывая, что речь идет не о нормативном регулировании, а о понятийно-терминологическом аппарате общей теории права и отраслевых теорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. История и методология юридической науки : учебник для вузов / под ред. В. В. Сорокина. Барнаул : Новый формат, 2016.
2. Малахов В. П. Философия права. Идеи и предположения : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
3. Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник. М. : Норма; ИНФРА-М, 2013.
4. Кузьмин И. А. Система права и система юридической ответственности : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018.
5. Воронин М. В. Основания и проявления системности права : монография. М. : Юрлитинформ, 2016.
6. Протасов В. Н., Протасова Н. В. Лекции по общей теории права и теории государства. М. : Городец, 2010.
7. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М. : Норма, 2016.
8. Сорокин В. В. Общее учение о государстве и праве переходного периода : монография. М. : Юрлитинформ, 2010.
9. Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права : курс лекций. М. : Статут, 2010.
10. Васильев А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права : монография. Репр. изд. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2020.
11. Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев : Вища Школа, 1976.
12. Ивлев Ю. В. Логика : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2019.
13. Теория государства и права : учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014.
14. Актуальные проблемы теории государства и права : учеб. пособие / отв. ред. Р. В. Шагиева. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2011.
15. Протасов В. Н., Протасова Н. В. Лекции по общей теории права и теории государства. М. : Городец, 2010.
16. Пудовочкин Ю. Е. Учение об основах уголовного права : лекции. М. : Юрлитинформ, 2012.
17. Кауфман М. А. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2019.

18. Уголовное право. Общая часть : учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2008.
19. Полный курс уголовного права : в 5 т. Т. I: Преступление и наказание / под ред. А. И. Коробеева. СПб. : Юридический центр Пресс, 2008.
20. Денисова А. В. Системность российского уголовного права : монография. М. : Юрлитинформ, 2018.
21. Шаталов А. С., Крымов А. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: академический курс по направлению «Юриспруденция». М. : Проспект, 2019.
22. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2013.
23. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 7-е изд., перераб. М. : Норма; ИНФРА-М, 2017.

УДК 343.791

ББК 67.408

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. А. Полтарыхин, А. Г. Максимов

Управление экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по Алтайскому краю (Барнаул, Россия)

В период мировых кризисов происходит значительный рост преступности, в том числе экономической. Приведенный очевидный постулат приобретает совершенно новое значение в период нынешнего экономического кризиса, возможно, самого серьезного за всю современную историю человечества. Нынешний кризис вызвал взрывной рост цифровых технологий, повсеместно применяемых в различных экономических процессах. Эффективный уголовный закон, как наиболее репрессивный правовой инструмент, призван обеспечить максимально возможную стабильность в наиболее нестабильные периоды жизни общества. Глава 22 Уголовного кодекса РФ на протяжении многих лет подвергается критике как со стороны ученых, так и практических работников. В настоящем исследовании предпринята попытка на основе системного анализа доктрины уголовного права, норм специального законодательства, основываясь на практическом опыте работы в правоохранительных органах, выявить основные недостатки уголовно-правовой охраны экономической деятельности и предложить механизмы их устранения в целях повышения эффективности защиты общественных отношений от противоправных посягательств.

Ключевые слова: экономическая деятельность, преступления, экономическая преступность, реформирование закона.